

Чэн Си пролежал под открытым небом до самого рассвета, пока наконец не явились запоздавшие адепты Обители Великого Единого. Его унесли на носилках, чтобы оказать помощь. Ранения оказались не смертельными — сильная потеря крови да вывихнутая лодыжка, — однако его и без того истощенное тело восприняло этот удар тяжело. Проведя в беспамятстве на жесткой кушетке сутки, он пришел в себя, лишь когда в него насильно влили ледяной, невыносимо горький отвар.

Едва разомкнув отяжелевшие веки, он увидел перед собой яркое, многослойное алое пятно. Красивый юноша с прищуром лисьих глаз держал пиалу с темным зельем и, ласково улыбаясь, вливал его Чэн Си прямо в рот. Каждое слово он нашептывал мягко, почти нежно:

— Сяо Мэй, будь умницей. Старший брат добавил двойную порцию горького коптиса. Выпей всё до капли, и тогда я, так и быть, тебя прощу.

— Э-э... Кхе-кхе! Брат? — Чэн Си закашлялся, едва не захлебнувшись.

Юноша действительно имел с ним немалое сходство. Покопавшись в чужих воспоминаниях, Чэн Си признал в нем старшего молодого господина Обители Облачного Слияния — Чэн Си. В поднебесном мире их звали «Тремя талантами Девяти Округов»: один — Цзин Сяохань из Линчжоу, второй — Шэнь Синьянь из Обители Великого Единого, а третьим был как раз этот его непутевый старший братец, Чэн Си.

Из-за того что судьба Чэн Си с рождения была хрупкой и зыбкой, отец нарек его именем, созвучным с именем старшего сына. Он надеялся, что мальчик унаследует от брата крепкое здоровье и проживет спокойную жизнь. В старом поместье в Цанчжоу домашние звали его Сяо Мэй, что на слух не отличалось от ласкового «сестренка». Ему даже прокололи уши и воспитывали как девочку, лишь бы обмануть злых духов и выторговать у смерти лишние годы.

Увы, Чэн Си ухитрился навлечь на себя погибель и в прошлой жизни, и в этой, попутно обрекая на истребление весь свой клан. В прошлой жизни ради продления собственных дней он вырвал у Жун Ина духовные кости, а самого юношу бросил в общую могилу на растерзание стервятникам. Впоследствии потемневший разумом, полный жажды мести Жун Ин вернулся и вырезал весь его род до единого человека. В этой же жизни Чэн Си едва успел очнуться и замыслить недоброе, как Жун Ин тут же проломил ему голову.

— Ну и ну, — Чэн Си-старший несильно ущипнул его за щеку. Глядя на бледного брата, на лице которого кожа едва натягивалась на кости, он со вздохом усмехнулся: — Хватило же ума снести вершину бокового пика на Горе Южного Склона, а вот добежать до Линчжоу соображалки не хватило? Ни единой Пилюли Укрепления Духа при себе, ни одного амулета связи! Я уже мысленно тебя похоронил и собирался посылать людей копать в брюхе у какого-нибудь демона. А ты, паршивец, тишком удрал в Шоуян кормить местных мертвецов! Тоже вздумал сбежать из дома, как те сопляки из Обители Великого Единого?

— Я просто сбился с пути! Случайно вышло! — Чэн Си обиженно замотал головой, пытаясь высвободиться из хватки брата. Вырвавшись, он огляделся. Они находились в небольшой

лекарской хижине. Дверь была распахнута настежь, а за ней сновали молодые адепты в темных одеждах, разнося чаши с лекарствами и осматривая раненых. Было шумно и суетливо.

— Где мы?

— Поселок Хуайхуа, — Чэн Си-старший картинно взмахнул широким рукавом и с важным видом уселся на табурет. — Шоуян стерт с лица земли. Вся округа в радиусе ста ли превратилась в призрачные владения, сейчас там проводят очищение. Жить там больше нельзя, так что уцелевших временно перевезли в ближайший городок. Потерпи на этой койке до завтра. Как только я раздам награду тем ребятишкам, что вытащили тебя, мы сразу же вернемся в Цанчжоу.

— Шоуян уничтожен? Неужели никто не выжил? — Чэн Си до боли сжал пальцами край одеяла.

— Все мертвы, ни единой живой души. Внутренний город сровняли с землей, — буднично отозвался брат и отвесил ему легкий щелчок по лбу. — Будет тебе уроком. Я же велел сидеть смирно и ждать, пока я сам тебя провожу! Нет же, упрямец, потащился в Линчжоу в одиночку. Будто не знаешь, что твоя плоть для нечисти — сладкая приманка. Теперь из-за твоей выходки те бездари из побочных ветвей раструбили о твоей особой конституции на каждом углу. Путь в Линчжоу закрыт. Возвращаешься в Цанчжоу, будешь помогать мне вести счета.

«В Цанчжоу?»

Чэн Си задумался. Возвращение в родные пенаты сулило тихую жизнь вдали от главного героя, бесконечных смертельных ловушек и драматических разборок. Но с другой стороны... там его ждали сородичи. Целое сборище бессмертных аристократов из Обители Облачного Слияния, которые, если присмотреться, поголовно подходили под определение ходячего пушечного мяса.

Клан Чэн из Обители Облачного Слияния по праву считался главным рассадником заразы во всем романе. Этот великий орден славился тем, что поставлял миру исключительно приспособленцев, лицемеров и на редкость тупых злодеев, от одного упоминания которых у любого нормального человека подскочило бы давление. Они специализировались на преследованиях, гнусных наветах и лжесвидетельствах — словом, делали всё, чтобы загнать главного героя и его соратников в угол и превратить их в чудовищ, после чего благополучно огребали от них и покорно шли на убой.

Вспомнив вереницу напыщенных старейшин, глупых кузенов и прочих обделенных умом интриганов, Чэн Си внезапно осознал, что даже вечно угрюмое, холодное лицо Жун Ина на их фоне кажется верхом изящества и благородства.

— Нет, — с твердой решимостью выдохнул он. — Брат, я всё же хочу отправиться в Линчжоу.

— Но Линчжоу — это край, граничащий с землями демонов, — с улыбкой возразил Чэн Си-старший. — Испытания для учеников там связаны с истреблением скверны. Ты ведь сам только что пережил нашествие демонов и видел, насколько они омерзительны. Не боишься, что тебя утащат на закуску?

— А Цанчжоу славится укрощением демонов-зверей, — парировал Чэн Си. — Не боишься, что какой-нибудь свирепый зверь утащит меня и зажарит на костре?

Брат лишился дара речи.

— В жизни всякое случается. Можно идти по улице и попасть под упавший с неба булыжник, можно захлебнуться водой или подавиться рисом... Нельзя же пятиться назад при первой же трудности! — Чэн Си ухватился за широкий рукав брата и легонько потянул, заискивающе заглядывая ему в глаза. — Раз уж они прознали, кто я, почему бы мне просто не сменить имя и не поступить в Академию Духовной Горы под чужой личиной?

Старший брат подпер подбородок ладонью, наблюдая за его болтовней, а затем отвесил ему еще один беззлобный щелчок по макушке.

— Смотри, как расцвел. Похоже, ты просто вкусил свободы и отбился от рук. И не думай, что я не знаю про твои привычки заводить «старших братьев» на стороне.

Чэн Си обиженно потер ушибленное место.

«Да какой он мне брат... Он мне прародитель! Живой предок, пред которым нужно на коленях ползать!»

— Ну хорошо, — вздохнул Чэн Си-старший. — Академия действительно станет для тебя неплохим укрытием. Я подготовлю рекомендательное письмо в лекарскую обитель Линшаня, там обо всем позаботятся. Что до твоей свиты... Тот бродячий заклинатель, с которым ты шел, обладает недурными духовными корнями. Если он пришелся тебе по душе, оставь его при себе слугой, чтобы мне не пришлось искать тебе новых слуг.

Чэн Си похолодел от ужаса.

«Слугой?! Да ни за что на свете!»

Оставить главного героя в качестве прислужника? Это же верная смерть! Учитывая, с какой неприкрытой неприязнью Жун Ин на него смотрит, тот придушит его при первом же удобном случае.

— Что такое? Не нравится? — брат удивленно вскинул брови. — Для какого-то безродного бродяги прислуживать третьему молодому господину клана Чэн — величайшая милость. Если он тебе не по нраву, отсыпь ему камней накопления духа да золота и гони в шею.

— Тоже нельзя! — лоб Чэн Си покрылся холодной испариной.

Его жизнь до сих пор висела на волоске, который Жун Ин мог перерезать в любой момент. Если обойтись с ним столь пренебрежительно, это закончится мгновенной расправой.

Заметив подозрительный взгляд брата, Чэн Си поспешно выпрямил спину, приняв благообразный и кроткий вид, подобающий праведнику.

— Жун Ин спас меня, — мягко заговорил он. — Всю дорогу я оставался цел и невредим исключительно благодаря его заботе. Сделать его слугой или просто откупиться деньгами было бы верхом неблагодарности, да и на репутации нашей Обители это скажется дурно. Сейчас Академия Духовной Горы как раз набирает новых учеников. Почему бы нам не дать ему рекомендацию для поступления? Это станет достойной платой за спасение моей жизни. Да и мне в Академии будет спокойнее, если рядом окажется знакомый человек.

«Великий владыка, я сделал ради тебя всё, что мог!»

Чэн Си лихорадочно перебирал в памяти скудные крохи сюжета оригинального романа. Все те подонки, предатели, бывшие возлюбленные, вставшие на Путь Безжалостности, и будущие гении, с которыми Жун Ину суждено сойтись в смертельном противостоянии, сейчас как раз должны были находиться в Академии. Стоит лишь дать этому монстру шанс, как он начнет раздавать пощечины направо и налево, устремится к вершинам могущества, соберет вокруг себя гарем красавиц и взойдет на пик величия! Когда у него появится столько новых игрушек для истязаний, он наверняка забудет о существовании мелкого недоразумения в лице Чэн Си... Ведь так?

Внезапно ладонь Чэн Си обожгло жаром. Почувяв неладное, он скользнул взглядом по окну и замер.

Там, во дворе, стоял его личный ночной кошмар. С перевязанной рукой, опираясь на костыль и сияя плотными слоями бинтов на голове, Жун Ин сверлил его тяжелым взглядом.

Чэн Си ощутил, как сердце ушло в пятки.

«Пропал... Он же не мог всё услышать?»

В его сознании ледяным эхом зазвучал голос Жун Ина:

"Не всё. Лишь половину. Но у тебя еще есть шанс оправдаться"

Чэн Си онемел, не в силах даже сглотнуть.

— Эх, Сяо Мэй, отчего же ты никогда не заботаешься о собственном брате с таким усердием? — вздохнул Чэн Си-старший, приобнимая его за плечи с притворной обидой. — Домашние цветы никогда не пахнут так же сладко, как дикие.

Чэн Си мог лишь безмолвно таращиться в пустоту.

— Ладно, так и быть, — старший брат мельком глянул в окно и снова потрепал его за щеку. — Тебе действительно не мешают сверстники в окружении. А то заперли тебя со старыми хрычами, ты и сам стал рассуждать как столетний дед. Как раз в следующем месяце, с приходом весны, в Академии начнется обучение. Я попрошу Шэнь Синъяня прихватить тебя с собой. Поедешь вместе с теми ребятами из Обители Великого Единого — как там их, Шэнь и Е? Насчет твоей новой личности не беспокойся, я всё улажу. Но запомни одно: в Академии води себя тихо, чти правила и не лезь на рожон. Иначе, если тебя поймают в темном переулке и отлупят, заступиться за тебя будет некому.

Вопрос с поездкой в Линчжоу был решен в два счета. Чэн Си-старший, вечно занятый делами ордена, спешно откланялся: ему нужно было выследить могущественного зверя, вырвавшегося из заточения в запретных землях, так что вернулся бы он не раньше чем через пару недель. На прощание он бросил брату изящный амулет.

Исследовав вещицу, Чэн Си понял, что это пространственный накопитель. Он заглянул внутрь... и едва не ослеп от нестерпимого блеска бесчисленных мечей и драгоценных камней.

«Что ж, Обитель Облачного Слияния не зря зовется богатейшим орденом востока»

У него закралось подозрение, что старший братец без лишних раздумий выгреб для него половину личной сокровищницы клана.

Проводив брата со слезами умиления на глазах, Чэн Си тут же угодил в цепкие лапы Жун Ина. Тот подверг его изощренному допросу, вывернув наизнанку все его робкие оправдания. К счастью, Чэн Си уже приноровился к переменчивому нраву своего мучителя: пустив в ход всё красноречие и сладкую ложь, он сумел умиловить грозного хищника и отделался легким испугом.

Ранения самого Чэн Си оказались поверхностными, и уже через три дня он смог ковылять на костылях. Каждый день, усердно стуча своей деревянной опорой, он навещал товарищей по несчастью в соседних палатах.

Потери у них были солидные. Жун Ин ходил с перевязанной рукой, у Бай Хэншэна пострадала нога, а тяжелее всех пришлось Шэнь Синхэ — твари укусили его раз пять или шесть, глубоко отравив тело призрачной скверной. Каждую ночь его усаживали в огромный чан с кипящими отварами, чтобы выпарить заразу, и бедняга жалобно выл от жара. Е Хуайань физически не пострадал, но заработал глубокую душевную травму: он мылся по восемь раз на дню, отчего кожа его казалась почти прозрачной. Суй Юань и Сун Юаньси, будучи девушками, занимали другое крыло лекарской обители, так что об их состоянии юноши могли лишь догадываться.

Пережитое смертельное испытание сблизило их. От прежней настороженности не осталось и следа. Теперь они беззлобно подшучивали над увечьями друг друга через открытые окна, а иногда собирались за грубо сколоченным столом у входа, чтобы перекинуться в карты. Пятеро калек регулярно устраивали застолья, чокаясь пиалами с черным лекарством и содрогаясь всем телом от невыносимой горечи. Молодые лекари обходили их стороной, искренне полагая, что у раненых помутился рассудок.

Позже Чэн Си по секрету расспросил Шэнь Синхэ о судьбе Шоуяна. Тот лишь мрачно покачал головой: город превратился в сущий ад, пропитанный ядовитой злобой мертвецов. Пройдет не один год, прежде чем эти земли очистятся и там вновь смогут селиться люди.

Чэн Си ощутил укол светлой грусти. Впрочем, вспомнив о собственной незавидной судьбе, он лишь мысленно махнул рукой. Сам-то он тоже едва ли протянет долго, так стоит ли сокрушаться о чужих бедах? Будь что будет.

Жун Ин против поездки в Академию не возражал. Однако в последнее время он повадился подолгу смотреть в одну точку, уходя в себя. Чэн Си подозревал, что тот тоскует по прежней возлюбленной. Любовные думы, впрочем, дурно сказывались на его успехах в картах: Жун Ин проигрывал партию за партией, подтверждая старую истину о том, что везет лишь в любви.

Вскоре его лоб оказался сплошь залеплен штрафными бумажками. Несчастному приходилось то и дело ковылять к лохани с водой, чтобы умыться, но из-за травмированной руки его движения оставались неловкими, и он неизменно проливал воду на свои одежды. Чэн Си, будучи единственным дееспособным человеком, не питавшим отвращения к чужому обществу, вызвался помогать ему с умыванием и прической. Очень скоро он горько пожалел о своем благородстве.

Дело кончилось тем, что каждое утро трое перевязанных калек выстраивались перед ним в очередь, безмолвно требуя заплести им волосы. В эти моменты Чэн Си чувствовал себя многодетным родителем, опекающим ораву непутевых сыновей.

К тому дню, когда придорожные ивы подернулись нежной зеленой дымкой, раны Чэн Си

окончательно затянулись. Обитель Великого Единого прислала за ними летучий корабль. Погрузив разношерстную компанию на борт, команда медленно взяла курс на Линчжоу.

С высоты птичьего полета открывалось жуткое зрелище. Округ Небесного Равновесия лежал внизу выжженной пустыней, опутанной золотистой сетью барьеров. Соседний Шоуян тонул в клубах черного призрачного тумана. Наложённые заклęcia были столь суровы, что ни одна птица не смела пересечь эти границы, ни один зверь не ступал на отравленную землю. Корабль скользил по самой кромке защитного купола, и пассажиры могли различить мириады сияющих иероглифов, медленно вращавшихся в воздухе.

Когда в Округе Небесного Равновесия только вспыхнул мятеж, Тройные Небеса наложили строжайший запрет на любые перемещения в окрестностях. Лишь теперь, когда предводитель тварей был уничтожен, небесные пути вновь открылись для полетов, избавив путников от необходимости тащиться через перевалы и преодолевать невзгоды пешего пути.

— Это великий барьер Линчжоу, — проговорил Шэнь Синхэ, вглядываясь сквозь облака в очертания мертвого города. — Сотворить заклинание подобного масштаба под силу разве что Бессмертному Владыке Подвешенных Звёзд. Жаль, конечно. Чтобы очистить эти земли от скверны, потребуется не меньше десяти лет. А ведь я слышал, здешние празднества славились на всю Поднебесную. Так хотелось взглянуть...

— Неужели у вас в ордене праздники проходят скучнее? — удивился Чэн Си.

— У нас оживленнее всего в День поминовения усопших, — с бесстрастным лицом отозвался Шэнь Синхэ. — Ну и на Праздник холодной пищи или День голодных духов тоже весело. Будет время — заглядывай к нам в Обитель Великого Единого. Скажешь на входе, что от меня, тебе сделают скидку на поминальные деньги.

— Благодарю, обойдусь, — Чэн Си передернуло. Он слишком хорошо помнил, как совсем недавно его едва самого не пустили на корм призракам.

Корабль упорно пробирался на север, минуя заснеженные хребты Горы Южного Склона, скованные вечной мерзлотой. Но стоило суду миновать пелену облаков над горным пиком, как взору открылась настоящая обитель небожителей. Весна здесь правила бал задолго до того, как проснулись остальные земли. Склоны холмов тонули в сочной зелени, пестрели коврами диких цветов, а нежная дымка ивовых ветвей укутывала изящные пагоды и террасы. В небесной выси сновали сотни летучих лодок и сияющих мечей, а люди внизу казались крошечными муравьями.

Вдали раскинулась исполинская водная гладь — безупречно круглое Зеркальное озеро, занимавшее добрую треть всего Линчжоу. Над его поверхностью парили нефритовые ступени, уходящие прямо в заоблачную высь. Там, на головокружительной высоте, громоздились парящие острова, похожие на величественные горные вершины, увенчанные белоснежными чертогами. Они казались прекрасными и недосыгаемыми, точно Лунная Столица в чертогах небес.

Чэн Си лишился дара речи. Подобное величие никак не вязалось с привычным ему миром.

Жун Ин смотрел на до боли знакомые пейзажи со сложным, нечитаемым выражением лица. Когда корабль бросил швартовы, Чэн Си всё ещё стоял у борта, замороженно озираясь по сторонам. Заметив его глуповатый вид, Жун Ин тяжело вздохнул, подошел и бесцеремонно схватил его за воротник.

— Держись ближе к остальным. Линчжоу — коварное место. Здесь повсюду блуждают осколки пространственных аномалий. Провалишься в какое-нибудь тайное царство — и костей твоих никто не соберет.

— Понял, — кротко отозвался Чэн Си.

Он послушно последовал за ним, уцепившись за край широкого рукава Жун Ина, но его внутренний голос умолкать не собирался.

«Уважаемый предок, а Академия Духовной Горы действительно такая огромная?»

"Сойдет"

«А есть здесь какие-нибудь развлечения?»

"Нет"

«Сколько лет длится обучение? Есть ли промежуточные экзамены? А табели с оценками родителям отправляют?»

"Девять лет. Да. Отправляют"

...

Жун Ин бережно, но уверенно вел его за собой. Они миновали широкую Улицу Красной Птицы, начали подниматься по каменным ступеням, ведущим к воротам. Жун Ин ступал по тем самым плитам, которые в его прошлой жизни, во время позорного бегства, были залиты его собственной кровью.

Круг замкнулся. Он вернулся домой.

<http://bllate.org/book/18408/1799570>